

Роль Донского музея в формировании региональной исследовательской традиции области войска Донского

А. Ю. Перетяцько

Южный федеральный университет,

Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, Большая Садовая ул., 105/42

Для цитирования: Перетяцько А. Ю. 2022. Роль Донского музея в формировании региональной исследовательской традиции области войска Донского. *Вопросы музеологии* 13 (2): 191–204. <https://doi.org/10.21638/spbu27.2022.203>

Статья посвящена значению Донского музея для формирования региональной исследовательской традиции войска Донского. В ней показано, что в среде донских казаков существовал запрос на создание нарративов о Донском крае, а профессиональная наука этот запрос не выполняла. В подобных условиях сформировалась собственная исследовательская традиция донских казаков, изначально носившая сугубо любительский характер. С 1880-х гг. важнейшим центром любительских исследований Донского края становятся сначала различные органы по подготовке создания Донского музея, а затем (с 1899 г.) и сам Донской музей. При поддержке войсковой администрации он взял на себя функции не только музейного, но и важнейшего научного, а также общественно-политического центра в регионе. Была проделана большая работа как по сохранению, так и по научной обработке артефактов и документов; с музеем тесно связано формирование первых профессиональных ученых из донских казаков, для которых важнейшей темой исследований стал родной край. В то же время нельзя не отметить, что роль Донского музея в развитии донской профессиональной науки была неоднозначной: руководитель музея Х. И. Попов, сам не имевший даже начального образования, сопротивлялся тому, чтобы исследованиями казачества руководили даже самые авторитетные ученые неказачьего происхождения. Автор приходит к выводу, что вопрос о значении музеев для тех регионов Российской империи, в которых не было сильного влияния университетов и профессиональных ученых, нуждается в дальнейшем исследовании.

Ключевые слова: донское казачество, Донской музей, история музейного дела, история науки, Х. И. Попов, П. П. Сахаров, В. В. Богачев.

Интересным и далеко не достаточно изученным феноменом истории восточноевропейской науки остается существование в Российской империи специфических региональных исследовательских традиций. В рамках до сих пор типичной для отечественной историографии национальной модели исторического нарратива подобные традиции либо не изучались специально, либо трактовались как этап в развитии той или иной национальной науки. В результате существование тех региональных исследовательских традиций Российской империи, которые нельзя связать с какой-либо современной нацией, до сих пор не осмыслено в историографии. Возможно, наиболее ярким примером здесь могут служить казачьи региональные

исследовательские традиции. Прежде всего следует пояснить, что мы подразумеваем под «исследовательской традицией». Сделаем это мы на примере крупнейшего и старейшего казачьего войска Российской империи, войска Донского.

Прежде всего следует отметить, что ученые-профессионалы до XX в. изучением Донского края и донского казачества занимались мало. В 1900-х гг. Военное министерство решило заказать официальные истории казачьих войск, но немедленно столкнулось с серьезнейшими проблемами при их написании. Для начала выяснилось, что у Главного управления казачьих войск нет сколько-либо полных сведений даже о печатных материалах по истории казачества, не говоря уже о рукописях, хранящихся в региональных архивах¹. В случае с Донским войском не увенчалась успехом и попытка заказать официальную историю профессиональным историкам. Выяснилось, что в научной среде просто нет людей, специально занимавшихся прошлым донских казаков. Лично В. О. Ключевский выражал готовность помочь найти хорошего исследователя, который бы взялся за написание истории донского казачества с нуля, честно признавая, что отсутствие такой истории «нельзя не признать прискорбным пробелом русской историографии»². Однако в итоге возобладали позиция местных историков-любителей, лидер которых, Х. И. Попов, подготовил докладную записку, доказывающую, помимо всего прочего, что без помощи казаков профессиональному историку «разобраться в малопонятном для него материале будет крайне затруднительно»³. Конечно, и в XIX в. профессиональные историки касались отдельных сюжетов донской истории (например, участия казаков в войнах Российской империи), профессиональные географы писали книги о географии юга Российской империи и т. д. Но подобные работы не были специально посвящены Донскому краю, а казачья элита испытывала потребность в таких книгах.

И этот запрос породил появление достаточно обширной литературы донских казаков о донских казаках уже в начале XIX в. Первопроходцем здесь стал директор Новочеркасской гимназии А. Г. Попов, в 1814–1816 гг. опубликовавший два тома «Истории о Донском войске»⁴. Его книга вышла очень архаичной и транслирующей устаревшие нарративы: например, А. Г. Попов считал славян потомками сарматов, в соответствии с концепцией сарматизма, характерной для польских авторов позднего Средневековья и раннего Нового времени⁵. В результате даже для позднейших донских историков-любителей А. Г. Попов стал фигурой комической: в начале XX в. о нем писали, что «Попов углубился в такую даль веков и захватил такой исторический период, для которого не было и нет в местных архивах данных»⁶. Зато уже вторая попытка в этом направлении, «Историческое описание земли войска Донского» чиновника и офицера В. Д. Сухорукова, оказалась гораздо более востребованной. «Ни раньше, ни позднее его ни один из донских писателей, публицистов или общественных деятелей никогда не пользовался на своей родине славой Сухорукова», —

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1055. Ед. хр. 4. Л. 2–2 об.

² Волвенко, 2006. С. 119.

³ Там же. С. 121.

⁴ Попов А. Г. 1814. *История о Донском войске*. Ч. 1. Харьков; Попов А. Г. 1816. *История о Донском войске*. Ч. 2. Харьков.

⁵ Попов А. Г. 1814. *История о Донском войске*. Ч. 1. Харьков. С. XV–XVI.

⁶ Кириллов А. А. 1909. *Краткое обозрение истории о донских казаках*. Новочеркасск: Частная донская типография. С. 6.

писал через несколько десятилетий после смерти основоположника донской любительской науки местный статистик Н. И. Краснов⁷. «Историческое описание...» высоко оценивается и современными учеными⁸. Не анализируя подробно данную книгу (это вышло бы за рамки тематики нашей статьи), отметим: В. Д. Сухоруков показал, что в рамках любительской историографии возможно создание нарратива по истории войска Донского, одновременно отвечающего запросам казачьей элиты и требованиям науки своего времени. Хотя «Историческое описание...» долго оставалось в рукописи, оно было скопировано для местного статистического комитета и стало доступно другим казакам еще на рубеже 1830–1840-х гг.⁹ И с середины XIX в. тексты донских исследователей-любителей о родном крае начинают выходить достаточно регулярно: можно выделить том о земле войска Донского в серии «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба» упомянутого выше военного статистика Н. И. Краснова¹⁰, «Статистическое описание области войска Донского» секретаря местного статистического комитета С. Ф. Номикосова¹¹, «Краткое обозрение истории о донских казаках» преподавателя Донской духовной семинарии А. А. Кириллова¹² или, например, «Картины былого тихого Дона» строевого генерала П. Н. Краснова¹³.

Авторы подобных текстов формировали региональную исследовательскую традицию. Их работы взаимно влияли друг на друга, в то же время существуя достаточно автономно от имперских исследовательских традиций, прежде всего потому, что имперские исследовательские традиции уже были научными и профессиональными и предполагали работу ученого в соответствии с методологией современной ему науки в рамках узкой специализации. Донская же региональная исследовательская традиция до 1917 г. оставалась преимущественно любительской, и ее представители изучали край в целом, обращаясь к самым разным темам. Колоритной и характерной фигурой тут был упомянутый выше Х. И. Попов: он не имел даже начального образования, а уже в числе его первых печатных работ, опубликованных в местной прессе, были статьи, посвященные археологии станицы Мигулинской, происхождению фамилии Лаверженцов, истории донского законодательства и отношению казаков к возможным правительственным реформам¹⁴. В рамках профессиональной науки подобная фигура самоучки-специалиста широкого профиля могла быть только периферийной (если не маргинальной), но в среде донских казаков и местных чиновников Х. И. Попов имел почти непререкаемый авторитет. Показательно, что в глазах местной администрации он победил в споре с самим В. О. Ключевским о том, кто должен писать официальную историю войска Донского: войсковой атаман Ф. Ф. Таубе после знакомства с его докладной запиской даже

⁷ Королев, 1991. С. 241–242.

⁸ Мининков, 2010. С. 266–285.

⁹ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 353. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–1 об.

¹⁰ Краснов Н. И. 1863. *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского*. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба.

¹¹ Номикосов С. Ф. 1884. *Статистическое описание области войска Донского*. Новочеркасск: Издание Областного правления войска Донского.

¹² Кириллов А. А. *Краткое обозрение...*

¹³ Краснов П. Н. 1909. *Картины былого тихого Дона*. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг.

¹⁴ *Донцы XIX века*. Ростов н/Д., 2003. С. 407–409.

«принципиально признал невозможным составление истории лицами, не принадлежавшими к войсковому сословию Донского войска»¹⁵.

При этом донские ученые-любители не были единой (не)научной школой: скорее, можно говорить о существовании целого ряда подобных школ со своими лидерами и идеологами, причем эти школы активно противостояли друг другу. В этом плане показательна описанная А. А. Волвенко дискуссия, шедшая в 1860-х гг. между либеральными сторонниками идеи о том, что исторически вход в казачье сословие был свободным, и консервативными защитниками права войска ограничивать и полностью запрещать прием посторонних. Первую точку зрения отстаивали преимущественно лица, связанные с влиятельной семьей Красновых, а их лидером был глава этой семьи И. И. Краснов, а сторонники второй точки зрения в значительной степени группировались вокруг И. С. Ульянова¹⁶. Поэтому нам показалось наиболее корректным назвать подобный феномен региональной научной традицией: системой исследовательских практик и институтов, порожденной спецификой региона и представленной преимущественно в творчестве его жителей. В случае с донскими казаками мы можем наблюдать подобную традицию в предельно ярко выраженном виде: в Донском войске до 1917 г. региональная исследовательская мысль развивалась активно, от нее осталось множество нарративов, но при этом в силу любительского и часто ненаучного характера она была маргинальна для российской науки и существовала автономно от нее.

С учетом любительского характера донской региональной исследовательской традиции и существовавшей в ее рамках тенденции к изучению одним автором широкого круга тем о Донском крае без всякой специализации достаточно логично, что в конце XIX в. одной из двух ее важнейших институций стал Донской музей (второй был местный статистический комитет¹⁷). Сама концепция музея в отличие от, например, такого традиционного для Российской империи центра научной деятельности, как университет, с одной стороны, предполагала большую демократичность в подборе кадров; с другой стороны, сотрудники подобного музея могли изучать все сферы жизни своего региона без узкой специализации, и, наконец, музей был наиболее удобной институцией для сохранения материалов о прошлом. В то же время превращение музея и статистического комитета, а не университета, как в некоторых других регионах Российской империи, в важнейшие центры региональной исследовательской деятельности, имело и очевидные негативные последствия: профессионализация исследований в регионе откладывалась на неопределенный срок, а полученный наиболее значимыми исследователями-любителями авторитет мог использоваться для сохранения выгодного для них статус-кво. Снова возвращаясь к полемике Х. И. Попова с В. О. Ключевским, отметим, что Х. И. Попов на время ее проведения как раз был директором Донского музея и извлек личную выгоду из решения заказать официальную историю войска Донского не-ученому, но казаку: руководство хорошо финансируемыми работами поручили в итоге его сыну, П. Х. Попову, строевому военному без всякой научной подготовки и авторитета в ученом мире, который в итоге вполне

¹⁵ Волвенко, 2006. С. 122.

¹⁶ Волвенко, 2015а; Волвенко, 2015б.

¹⁷ Горобец, 2011.

предсказуемо с ними не справился (но значительную часть финансирования освоил и никакого наказания за неудачу не понес)¹⁸.

Хорошую характеристику значения Донского музея для развития донской региональной исследовательской традиции дал упоминавшийся выше А. А. Кириллов, самый авторитетный дореволюционный знаток донской церковной старины: «Все эти проекты (альтернативные созданию музея проекты 1870-х гг., проект написания истории Донского войска с привлечением к нему Н. И. Костомарова, проект создания Донской историко-археологической комиссии и проект создания общества любителей Донской старины. — А. П.) остались только в области одних предположений и порой — добрых начинаний. Несомненно большее практическое значение имело устройство и оборудование “Донского музея”, который начал формироваться в 1884 году, а открыт был 20 октября 1899 года. В настоящее время при нем имеются историко-археологическая библиотека и Донской исторический архив. Таким образом, получился надежный центр, куда могут поступать не только вещественные памятники, свидетели прошлой жизни насельников Дона, но и писанные исторические материалы. Здесь все они могут храниться в безопасности, без риска бесследно исчезнуть вместе с казенными сундуками, подобно собранию таких же материалов двадцатых годов прошлого столетия»¹⁹. К сожалению, в позднейшей историографии важность Донского музея для развития науки в регионе признавалась, однако специальных исследований на этот счет нет до сих пор.

Как нам представляется, Донской музей прежде всего стал местом, объединившим донских исследователей-любителей консервативных и реакционных взглядов и позволившим им реализовать масштабные исследовательские проекты при финансовой поддержке войсковой администрации. Ключевой фигурой для такой деятельности музея стал как раз Х. И. Попов, сначала руководивший подготовительными работами по его организации, а затем занявший должность его первого директора и сохранявший ее до конца Гражданской войны. Показательно, что при этом первоначальная идея создания музея принадлежала не ему. Хронология работ по созданию музея была реконструирована современным историком А. Л. Бойко, и ее можно свести к следующим периодам:

1. Конец 1870-х — 1884 г. — донские исследователи А. Л. Крылов и Г. А. Ознобишин (не казаки по происхождению, но много лет прожившие на Дону) вели предварительную работу по созданию музея.

2. 1884–1890 гг. — в начале этого периода А. Л. Крылов и Г. А. Ознобишин добровольно передают руководство работами близкому к войсковому начальству чиновнику и любителю донской старины Х. И. Попову, и работы уже ведутся не на общественных началах, но в рамках деятельности атаманской канцелярии и войскового правления.

3. 1890–1899 гг. — в это время действует полноценная комиссия по устройству Донского музея и исторического при нем архива, причем ее официальным председателем становится не Х. И. Попов, а высокопоставленный донской чиновник, не отметившийся никакими исследованиями, старший советник областного правления (позже — помощник атамана) И. М. Добрынин.

¹⁸ Волвенко, 2006. С. 123–124.

¹⁹ Кириллов А. А. *Краткое обозрение...* С. 30–31.

4. После 1899 г. — после открытия музея комиссия продолжает функционировать с тем же председателем, занимаясь пополнением музейных коллекций²⁰.

Таким образом, Донской музей, как и местный статистический комитет, не обладал автономией, традиционной для научных заведений европейской традиции, но был структурно обычным войсковым учреждением. При этом, если статистический комитет существовал с конца 1830-х гг. и переживал самые разные периоды в своей истории (в том числе и такие, когда власти его деятельностью почти не интересовались, несмотря на формальное председательство атамана²¹), то история Донского музея начинается не ранее 1870-х гг. и неразрывно связана с войсковой администрацией и лично Х. И. Поповым, перешедшим на пост руководителя музея из чиновного кресла. Соответственно, именно взгляды Х. И. Попова имели решающее значение для развития музея, и на них есть смысл остановиться подробнее.

В первую очередь Х. И. Попов был не ученым и не чиновником, но общественным деятелем. Его большая карьера началась уже в достаточно зрелом возрасте, когда почти тридцатилетний простой станичный писарь получил известность как защитник традиционных сословных привилегий казачества от либеральных Великих реформ и даже был назначен представлять интересы казачьего сословия в одну из войсковых комиссий²². Подчеркнем, что первоначально Х. И. Попов выступал именно как оппозиционер и его идеи не были востребованы властями. Но это не мешало войсковой администрации заметить талантливого казака и перевести его на службу в Новочеркасск с присвоением классного чина (о неожиданности этого назначения свидетельствует письмо Х. И. Попова, в котором он просит коллегу на первое время одолжить ему мундир коллежского регистратора²³). Любовь к истории, к прошлому родного края была органичным следствием крайнего казачьего патриотизма Х. И. Попова. В начале своей активной деятельности, в 1860-х гг., он входил в число так называемых казакоманов — людей, отстаивавших привилегии Донского войска в том числе и на основе исторических примеров и обвиненных столичной прессой в «донском сепаратизме»²⁴.

Такие взгляды Х. И. Попов исповедовал всю жизнь, однако мир вокруг него быстро менялся. Уже к 1880-м гг. он был не просто чиновником в администрации крайне консервативного донского атамана Н. И. Святополк-Мирского, но и его единомышленником (после смерти этого атамана донской исследователь написал панегирическую статью о нем, оставшуюся в рукописи²⁵). А в начале XX в., после первой русской революции и создания Государственной думы, бывший оппозиционер и «донской сепаратист» примкнул не к либералам или казачьим националистам, но к черносотенцам. Он был активным участником Донского союза националистов, регионального политического объединения, связанного с Союзом русского народа, и даже пытался стать выборщиком в IV Государственную думу (напомним, система голосования тогда была многоступенчатой, и сначала голосующие выби-

²⁰ Бойко, 2010. С. 98–101.

²¹ Попов И. П. 1901. Областной войска Донского статистический комитет в первые годы его существования. *Сборник областного войска Донского статистического комитета*. Вып. 1. Новочеркасск: Частная донская типография. С. 3–11.

²² *Донцы XIX века...* С. 409.

²³ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 956. Л. 138–138 об.

²⁴ Волвенко, 2015б. С. 194–207.

²⁵ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1452.

рали выборщиков, а затем выборщики — депутатов)²⁶. Показательно для взглядов Х. И. Попова, что Донской союз националистов шел на выборы, апеллируя к истории и пытаясь выстроить преемственность с великими деятелями и событиями прошлого: в воззвании к избирателям сообщалось, что «партия националистов — это самая старинная русская, чисто народная партия», а ее идеологами объявлялись Сергей Радонежский и Александр Невский, Дмитрий Донской и А. В. Суворов, «которые оставили нам заветы о благе русского государства и о защите его не только от внешних, но и от внутренних врагов»²⁷.

Вот только к началу XX в. подобные идеи уже воспринимались самими казаками как неуместная архаика. Политические оппоненты иронизировали над Х. И. Поповым как над «древним старцем», на выборах он потерпел полную неудачу, набрав в первой курии новочеркасских избирателей 89 голосов из 542, а выиграла выборы, причем триумфально, либеральная оппозиция (в первой курии Новочеркаска наименее удачливый выборщик от оппозиции получил 340 голосов)²⁸. Когда общие итоги многоступенчатых выборов стали окончательно известны (Донское войско избрало в Государственную думу девять кадетов, трех прогрессистов, беспартийного и «монархиста-демократа»), Ф. К. Траилин, друг и ровесник Х. И. Попова, в переписке с последним объяснил случившееся «растлением новых поколений»²⁹.

Вполне естественно, что в подобных условиях Донской музей выступал не только как исследовательская, но и как общественная инстанция, пытающаяся хранить (а порой и искусственно конструировать) патриотическую казачью старину. Единомышленник Х. И. Попова, П. Н. Краснов, не случайно описывал деятельность Донского музея так: «В Новочеркасске открыли “Донской музей”, куда стали собирать донскую старину, немых свидетелей славы казачьей»³⁰. Не случайно сейчас этот музей называется именно музеем истории донского казачества: хотя первоначально он замышлялся как региональный, главный музей области войска Донского (т. е. далеко не исключительно казачьего региона Российской империи), судя по всему, казачья тематика с патриотическим уклоном изначально была центральной для его деятельности.

Как нам представляется, в значительной степени именно из-за подобной политической ангажированности Донского музея значение его деятельности для Донского края остается достаточно слабо изученным. До 1917 г. авторитет Х. И. Попова в донском обществе как исследователя, а не политика был огромен и тексты местных авторов о нем носили самый панегирический характер. Здесь наиболее показателен сборник биографий «Донцы XIX века», подготовленный местными интеллигентами по инициативе либерального предводителя донского дворянства М. С. Маркова: в нем утверждалось, что исследования Х. И. Попова по донской истории уступают только трудам В. Д. Сухорукова³¹. В действительности данное утверждение выглядит достаточно спорным: можно назвать целый ряд донских исследователей-любителей, чьи работы о донской истории не уступали трудам Х. И. Попова, а М. Х. Се-

²⁶ Корниенко, 2013. С. 59.

²⁷ Там же. С. 59–60.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 70.

³⁰ Краснов П. Н. *Картины былого тихого Дона...* С. 480.

³¹ *Донцы XIX века...* С. 407–408.

нюткин и Н. И. Краснов вообще получили признание за пределами Дона, публикуясь не только в местной прессе, но и в известнейших столичных журналах³². Осознания того, что Х. И. Попов возвышался над уровнем талантливых донских исследователей-любителей не как ученый, но как организатор исследовательской деятельности, в это время не произошло. В советское время полноценное изучение исследовательской и организаторской деятельности откровенного и активного реакционера по понятным причинам было затруднено. В результате и немногочисленные современные публикации о Х. И. Попове трактуют его преимущественно как ученого или общественного деятеля, а не организатора исследований Донского края³³. Имеет место и определенная идеализация деятельности Х. И. Попова, в действительности интересной именно своей неоднозначностью: директор Донского музея, как мы видели выше, был не только прилежным любителем казачьей истории, сохранившим от забвения документы и артефакты из прошлого, но и крайне правым общественным деятелем, неоднозначно относившимся к профессионализации донской истории и пытавшимся бороться с либерализацией донского общества.

При этом организатором Х. И. Попов действительно был выдающимся, а его консерватизм и идеализация казачьего прошлого сочетались с пониманием тенденций современной науки. Здесь крайне показателен сюжет об отношении Х. И. Попова к профессиональным ученым. Как мы убедились, он резко отрицательно относился к идее о том, что историю войска Донского может исследовать профессиональный ученый со стороны, владеющий аппаратом исторической науки, но не знающий казачества. Однако в принципе важность и неизбежность профессионализации исследований Донского края Х. И. Попов понимал и не просто активно использовал в работах Донского музея студентов-казаков, но и выступал их своеобразным наставником, пытаясь сформировать первое поколение консервативно настроенных донских профессиональных ученых.

Самой удачной «находкой» Х. И. Попова стал студент Харьковского университета П. П. Сахаров. Они познакомились как раз в ходе неудачной в целом попытки написать официальную историю Донского войска: несмотря на общую неудачу работ, Х. И. Попову и нескольким другим донским деятелям удалось организовать масштабный поиск документов о донском казачестве в российских архивах, в ходе которого молодой студент хорошо проявил себя³⁴. Во время работ между старым любителем донской старины и молодым профессиональным историком завязалась переписка, как нам представляется, оказавшая влияние на начинающего ученого³⁵. В итоге к 1910-м гг. в Донском войске появился первый профессиональный историк из казаков, нарратив которого вполне соответствовал русскому национализму Х. И. Попова. Как отмечает исследователь донской общественной мысли

³² Краснов Н. И. 1875. Алексей Васильевич Иловайский, атаман Войска Донского. *Русская старина*. Т. XII. С. 701–718; Краснов Н. И. 1881. Исторические очерки Дона. Борьба Чернышева с войсковыми атаманами. *Русская речь* 8. С. 32–64; Сенюткин М. Х. 1854. Военные действия донцов против крымского хана Девлет-Гирея и самозванца Пугачева. *Современник*. Т. XLVI. С. 43–131; Сенюткин М. Х. 1860. Военные действия донцов против ногайских татар в 1777–1783 гг. *Военный сборник* 8. С. 345–390.

³³ Камозин, 2006. С. 33–36; Волвенко, 2015б. С. 194–207.

³⁴ Мининков, 2014. С. 198–200.

³⁵ Там же.

Б. С. Корниенко, когда в 1910-х гг. казацкие националисты начали публиковать очевидно ненаучные нарративы о древнем и нерусском происхождении казаков, их оппонентом при полной поддержке Х. И. Попова выступил П. П. Сахаров, тексты которого, доказывающие русское происхождение казачества, были не менее идеологически нагружены, но при этом соответствовали представлениям ученых того времени по данному вопросу, а обращение с фактами в них оставалось вполне научным³⁶. Крупнейший специалист по донской историографии Н. А. Мининков считает П. П. Сахарова интересным и серьезным ученым, отдельно подчеркивая, что он сочетал в своем творчестве русский национализм и либеральное народничество, а его учителем в Харьковском университете был такой выдающийся историк, как Д. И. Багалей³⁷. С 1912 г. связь Х. И. Попова и П. П. Сахарова была официально закреплена именно через Донской музей: молодой историк официально стал сотрудником комиссии по его устройству³⁸. На наш взгляд, у П. П. Сахарова были все шансы стать основоположником профессиональной и научной истории донского казачества, причем органично связанной и продолжающей прежнюю чисто любительскую региональную исследовательскую традицию. Однако этому помешала победа большевиков в Гражданской войне: ученый был сослан в Среднюю Азию, затем скрывался от властей, и значительная часть его наследия остается не опубликованной по сей день³⁹.

Другой любопытной фигурой из окружения Х. И. Попова предреволюционных лет был геолог В. В. Богачев. Из его автобиографии уже советского периода следует, что он пришел в Донской музей еще гимназистом, чтобы работать с его «богатым горно-палеонтологическим отделом»⁴⁰. Талантливый молодой человек окончил Санкт-Петербургский университет, затем преподавал в Юрьевском университете, однако, в отличие от большинства ушедших в профессиональную науку казаков, связь с родиной не терял и в 1905–1916 гг. был сотрудником все той же комиссии по устройству Донского музея⁴¹. Хотя В. В. Богачев стал профессиональным ученым, он, подобно Х. И. Попову, активно публиковался и по непрофильным темам, в частности написав ряд статей о донском сельском хозяйстве⁴². Сам подход В. В. Богачева к геологии изначально имел черты регионального донского патриотизма, что нам кажется логичным связать с влиянием Донского музея и идей его создателя, Х. И. Попова. В предисловии к своей последней крупной работе до установления советской власти на Дону, к «Очеркам географии Всевеликого войска Донского», В. В. Богачев доказывал, что «нелюбовь к родине неестественна», что ее часто порождает «уродство», т. е. «вырождение, неспособность, лень, слабование, болезнь духовная или телесная», а казаки, напротив, остро и сильно любят свою малую родину, тихий Дон, и он двадцать лет при возможности старался изучать

³⁶ Корниенко, 2013. С. 157.

³⁷ Мининков, 2014. С. 198–200.

³⁸ Бойко, 2010. С. 102.

³⁹ Мининков, 2014. С. 198–200.

⁴⁰ Богачев В. В. 1960. *Автобиография*. URL: <http://higeo.ginras.ru/view-record.php?tbl=pub&id=604> (дата обращения: 09.09.2022).

⁴¹ Бойко, 2010. С. 102.

⁴² Богачев В. В. 1960. *Автобиография*. URL: <http://higeo.ginras.ru/view-record.php?tbl=pub&id=604> (дата обращения: 09.09.2022).

свой родной край, а не только «дебри Дагестана» или «пустыни Туркестана»⁴³. Показательно, что геологу В. В. Богачеву не помешало сделать научную карьеру даже советская власть, и в СССР он стал доктором геолого-минералогических наук, однако в 1943 г. был арестован и сослан в Заполярье, по версии автобиографии — как находившийся на оккупированной немцами территории, но есть не подтвержденная научными исследованиями информация, что он активно сотрудничал с немецкими властями, войдя в состав созданной нацистами Особой комиссии по казачьим делам⁴⁴. Символично, что лидером служивших Германии казаков был П. Н. Краснов, некогда выступивший заказчиком «Очерков географии Всевеликого войска Донского»⁴⁵, а еще прежде бывший активным политическим публицистом, чей дар ценил Х. И. Попов⁴⁶.

Таким образом, уже вскоре после своего открытия в 1899 г. Донской музей стал концентрировать вокруг себя начинающих ученых из казаков, причем их формирование, очевидно, происходило под влиянием Х. И. Попова: по крайней мере наиболее известные из них, П. П. Сахаров и В. В. Богачев, демонстрировали патриотические и правые взгляды. Если бы не революция 1917 г. и последующая победа большевиков, эти люди постепенно играли бы все большую роль в исследованиях Донского края, и первыми профессиональными учеными, систематически исследующими Донской край, как и хотел Х. И. Попов, стали бы казаки, причем идейно близкие к нему. Правда, вопрос о том, способствовало бы это объективности и высокому научному уровню исследований, дискуссионный. В СССР основоположником научной школы, систематически изучающей наиболее близкую Х. И. Попову тему — историю войска Донского XVI–XIX вв. — стал только в 1970-х гг. не имевший никакого отношения к донским казакам и донской дореволюционной исследовательской традиции А. П. Пронштейн (уроженец Мелитополя, окончивший МГУ), заложивший ее на совершенно иных основах — не регионального патриотизма, но преимущественного внимания к методологическим и источниковедческим вопросам⁴⁷.

Мы можем констатировать, что Донской музей был важен не только как центр сохранения документов и артефактов и центр организации любительских исследовательских проектов: он стал еще и местом, где началось превращение донской дореволюционной исследовательской традиции из любительской в научно-профессиональную, превращение, прерванное революцией 1917 г. и Гражданской войной. Систематическое изучение деятельности Донского музея как не только музейного, но и научного, и общественно-политического центра давно назрело. И в этом плане нельзя не отметить издание в 2021 г. книги «Археологические находки Донского

⁴³ Богачев В. В. 1919. *Очерки географии Всевеликого войска Донского*. Новочеркасск: Издание Отдела народного просвещения Всевеликого войска Донского. С. 1–3.

⁴⁴ Богачев В. В. 1960. *Автобиография*. URL: <http://higeo.ginras.ru/view-record.php?tbl=pub&id=604> (дата обращения: 09.09.2022); *Проблема казачества периода Великой Отечественной войны (окончание)*. URL: https://kazak-center.ru/news/problema_kazachestva_perioda_velikoj_otechestvennoj_vojny_okonchanie/2010-05-08-586 (дата обращения: 09.09.2022).

⁴⁵ Богачев В. В. *Очерки географии...* С. 516–517.

⁴⁶ Корниенко, 2013. С. 93.

⁴⁷ Мининков, 2018. С. 98–114.

музея: каталог коллекции Х. И. Попова»⁴⁸. Как мы видели выше, несмотря на то что главным интересом Х. И. Попова было прошлое и настоящее донского казачества, он не ограничивал себя подобными рамками, организовав в своем музее и качественный горно-палеонтологический отдел. Еще одной сферой деятельности музея была археология, и как раз здесь Х. И. Попову и его сотрудникам удалось достичь серьезных научных результатов до 1917 г.: к 1914 г. был завершен полный каталог весьма обширной археологической коллекции музея⁴⁹. Как отмечает его издатель А. Л. Бойко, сам профессиональный ученый-археолог, «работа, проведенная в первые годы существования Донского музея его заведующим Х. И. Поповым, выглядит практически беспрецедентно: на территории Российской империи был лишь один случай создания подобного научного описания (в Екатеринбурге. — А. Л.)»⁵⁰. При этом, несмотря на то что основную часть работы над каталогом проделали исследователи-любители, описания из него не устарели по сей день, на него многократно ссылались позднейшие исследователи, а «попытка сверки фонда археологических коллекций и их описания иными методами, предпринятая в 1979 г. Б. А. Раевым, была признана неудачной»⁵¹.

В то же время в рамках тематики нашей статьи нельзя не обратить внимание на то, что до наших дней сохранилась только описательная часть каталога — перечисление отдельных находок с их подробной характеристикой. От аналитических же частей, если они существовали (А. Л. Бойко предполагает, что существовали как минимум вступительный очерк и итоговые заключения о распределении находок и принципах их хранения в залах музея), не осталось никаких следов⁵². А. Л. Бойко считает, что вся аналитическая часть каталога, как и некоторые его описательные части, были уничтожены Х. И. Поповым в 1920 г., чтобы в руки большевикам не попали доказательства того, что ценнейшая часть коллекции была вывезена белыми при отступлении из Новочеркасска⁵³. Однако никаких доказательств существования аналитической части каталога А. Л. Бойко не приводит. В любом случае не сохранилась как раз та часть каталога, которая наиболее интересна для анализа взглядов Х. И. Попова и его сотрудников на археологию и в которой с большей вероятностью проявились бы слабые места их исследовательских методов: для людей без специального образования комплексный анализ археологических находок был еще сложнее их правильного описания. Тем не менее даже в текущем виде каталог коллекции Х. И. Попова показывает, что донская региональная исследовательская традиция была очень успешна для сугубо любительской и ее наследие востребовано и через сто лет профессиональными учеными.

Итак, в XIX — начале XX в. в Донском войске существовала региональная исследовательская традиция, т. е. система исследовательских практик и институтов, порожденная спецификой региона и представленная преимущественно в творчестве его жителей. Казачья элита и казачья интеллигенция создавали социальный запрос на исследования о Донском крае, а имперская профессиональная наука этот

⁴⁸ *Археологические находки Донского музея: каталог коллекции Х. И. Попова* / отв. ред. А. Л. Бойко, Е. В. Ситливая. Ростов н/Д.: Альтаир, 2021.

⁴⁹ Там же. С. 55–57.

⁵⁰ Там же. С. 60.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 56–57.

⁵³ Там же. С. 57–59.

запрос не выполняла. Естественным следствием этой ситуации стало появление достаточно многочисленных местных исследователей, создававших тексты по широкому кругу вопросов, связанных с Донским краем: один человек мог заниматься и его археологией, и историей, и статистикой. Качество создаваемых текстов могло колебаться в достаточно широком диапазоне, от сохранивших значение даже для современной науки до комичных даже в глазах других местных историков-любителей.

Специфическая логика развития подобной любительской исследовательской практики привела к тому, что в начале XX в. важнейшей институцией для донских исследователей стал Донской музей. Он выполнял функции не только классического музея: фактически он стал одним из двух крупнейших исследовательских центров войска Донского, и на его базе начался процесс профессионализации исследований Дона. В то же время деятельность музея полностью зависела от войсковых властей и была политически ангажирована. Данная тема нуждается в дальнейшем изучении, но пример Донского музея показывает, что в не имеющих университетов регионах Российской империи именно музеи могли брать на себя функции главного элемента формирования региональной науки.

Литература

- Бойко А. Л. 2010. Комиссия по устройству Донского музея: документы о создании и кадровом составе. *Рубикон* 55: 98–102.
- Волвенко А. А. 2006. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.). *Историческое сознание и власть в зеркале России XX века*. СПб.: ИНО-Центр: 115–125.
- Волвенко А. А. 2015а. Казакоманство. Донской случай (1860-е). Ч. II. *Русская старина*. 14 (2): 94–107.
- Волвенко А. А. 2015б. Казакоманство. Донской случай (1860-е). Ч. III. *Русская старина*. 15 (3): 194–207.
- Горобец О. А. 2011. Издательская деятельность статистического комитета области войска Донского (вторая половина XIX в. — начало XX в.). *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки* 3: 31–37.
- Камозин Э. Э. 2006. Неопубликованные исторические заметки Х. И. Попова и развитие донской региональной исторической науки второй половины XIX — начала XX века. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2: 33–36.
- Корниенко Б. С. 2013. *Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914)*. СПб.: Издательство Европейского университета.
- Королев В. Н. 1991. *Старые Вешки. Повествование о казаках*. Ростов н/Д.: Ростовское книжное издательство.
- Мининков Н. А. 2010. Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века. *Терминология исторической науки. Историописание*. М.: ИВИ РАН: 266–285.
- Мининков Н. А. 2014. Письма П. П. Сахарова Х. И. Попову. *Донской временник* 23: 198–200.
- Мининков Н. А. 2018. Научная школа источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин А. П. Пронштейна в ИИМО ЮФУ. *Новое прошлое / The New Past* 1: 98–114.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2022 г.;
рекомендована к печати 15 октября 2022 г.

Контактная информация:

Перетятко Артём Юрьевич — канд. ист. наук, ст. преп.; ArtPeretatko@yandex.ru

The role of the Don Museum in the formation of the regional research tradition of the Don host region

A. Yu. Peretyatko

Southern Federal University,
105/42, ul. Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

For citation: Peretyatko A. Yu. 2022. The role of the Don Museum in the formation of the regional research tradition of the Don host region. *The Issues of Museology* 13 (2): 191–204. <https://doi.org/10.21638/spbu27.2022.203> (In Russian)

The article is devoted to the importance of the Don Museum for the formation of the regional research tradition of the Don Cossacks. It shows that among the Don Cossacks there was a request to create research on the Don region, and professional science did not fulfill this request. In such conditions, the Don Cossacks' own research tradition was formed, which initially had a purely amateur character. Since 1880 the most important center of amateur studies of the Don region is first the various bodies preparing the creation of the Don Museum, and then (since 1899) the Don Museum itself. With the support of the host administration, the museum assumed the functions of not only a museum, but also the most important scientific and socio-political center in the region. A lot of work has been done both in the preservation and in the scientific processing of artifacts and documents; the formation of the first professional scientists from the Don Cossacks, for whom the native land became the most important research topic, is closely connected with the museum. At the same time, it should be noted that the role of the Don Museum in the development of the Don professional science was not unambiguous: the head of the museum, Kh. I. Popov, who himself did not even have a primary education, resisted the fact that even the most authoritative scientists of non-Cossack origin led the studies of the Cossacks. The author comes to the conclusion that the question of the significance of museums for those regions of the Russian Empire in which there was no strong influence of universities and professional scientists needs further research.

Keywords: Don Cossacks, Don Museum, history of museum, history of science, Kh. I. Popov, P. P. Sakharov, V. V. Bogachev.

References

- Boiko A. L. 2010. Commission for the organization of the Don Museum: Documents on the creation and staffing. *Rubikon* 55: 98–102. (In Russian)
- Gorobets O. A. 2011. Publishing activities of the statistical committee of the Don Cossack Region (second half of the 19th century — beginning of the 20th century). *Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* 3: 31–37. (In Russian)
- Kamozin E. E. 2006. Unpublished historical notes by Kh. I. Popov and the development of the Don regional historical science of the second half of the 19th — early 20th century. *Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki* 2: 33–36. (In Russian)
- Kornienko B. S. 2013. *Right Don: Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909–1914)*. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. (In Russian)
- Korolev V. N. 1991. *Starye Veshki. The story of the Cossacks*. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)
- Mininkov N. A. 2010. Historical writing practices and the origin of historical science in the culture of the Don in the first half of the 19th century. *Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoriopisanie*. Moscow: IVI RAN Publ.: 266–285. (In Russian)
- Mininkov N. A. 2014. Letters by P. P. Sakharov to H. I. Popov. *Donskoi vremennik* 23: 198–200. (In Russian)
- Mininkov N. A. 2018. Scientific school of source studies, methodology of history and special historical disciplines A. P. Proshtein at the Institute of International Relations of SFU. *Novoe proshloe / The New Past* 1: 98–114. (In Russian)

- Volvenko A. A. 2006. How they wanted to write history for the Don Cossacks... Official order, historian and local administration (1902–1912). *Istoricheskoe soznanie i vlast' v zerkale Rossii XX veka*. St Petersburg: INO-Tsentr Publ.: 115–125. (In Russian)
- Volvenko A. A. 2015a. Kazakomanstvo. Don's case (the 1860s). Part II. *Ruskaia Starina* 14 (2): 94–107. (In Russian)
- Volvenko A. A. 2015b. Kazakomanstvo. Don's case (the 1860s). Part III. *Ruskaia Starina* 15 (3): 194–207. (In Russian)

Received: September 12, 2022

Accepted: October 15, 2022

Author's information:

Artyom Yu. Peretyatko — PhD in History, Senior Lecturer; ArtPeretatko@yandex.ru